

поддержали партию на парламентских выборах. Кроме того, эта законодательная акция, очевидно, стала составной частью более широкой реформы, которая должна подорвать влияние военных и бюрократических кругов на политику страны, долгое время инициировавших дебаты о роли религии и светских принципов во внутренней политике Турции. Однако президент страны Ахмед Неджет Сезер наложил «вето» на законопроект, облегчающий выпускникам религиозных лицеев поступление в университеты страны.

Комментируя принятое президентом решение, прогрессивная турецкая печать опасалась, что члены Партии справедливости и развития, используя большинство в парламенте, попытаются провести его снова. Высказывалось также мнение о том, что в данном вопросе Турция не может не считаться с мнением Европейского сообщества, членом которого она стремится стать. В этих условиях вопрос о возвращении к старой системе больше не поднимался, хотя, как только в отношениях между Турцией и ЕС возникают проблемы, раздаются голоса в поддержку усиления роли религии и, следовательно, расширения преподавания религиозных дисциплин в средней школе.

*Статья написана специально
для журнала «Россия и мусульманский мир»*

К.Труевцев,

кандидат философских наук

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ АРАБСКИХ СТРАН: МЕЖДУ АВТОРИТАРИЗМОМ И ДЕМОКРАТИЕЙ

Рассмотрение политических систем арабского мира целесообразно начать с политических режимов. По форме правления их нетрудно разделить на две основные группы – монархические и республиканские. В Европе и та, и другая формы правления, независимо от разницы между ними, не стали препятствием для развития современных форм представительной демократии. В арабском же мире и монархические, и республиканские режимы можно однозначно определить как авторитарные. Разница же в характере авторитаризма в монархиях и республиках арабского мира заключается, пожалуй, в следующем. В первых стержневой опорой авторитаризма является сам институт монархии, в котором ключевую роль легитимизации играет либо

принцип сакральности, как в Марокко (где представители правящей династии – сейиды, прямые потомки Пророка Мухаммеда) или Иордании (потомки шерифа Мекки и, соответственно, также пророка), либо принцип племенного консенсуса, как в большинстве монархий Персидского залива.

Республиканские режимы, возникшие в основном на волне национального освобождения и идеологии арабского национализма, испытавшие на себе в той или иной мере влияние мирового социализма и являясь модернизаторскими по своей сути, имеют в своей основе тот же авторитарный стержень, основанный на практически неограниченной президентской власти. Таким образом, институт президентской власти выступает здесь в качестве суррогата монархии, но лишенный ее сакрального смысла. Соответственно, он вынужден в большей мере опираться на силовые структуры. Республиканским режимам все же оказывается сложнее проводить политику национальной консолидации. Лишенные сакральности, они, в отличие от монархий, оказываются более уязвимыми в отношении действия исламистов. Возьмем в качестве примера две пары, соответственно, монархических и республиканских режимов: Иорданию и Марокко, Египет и Тунис. Все они имеют примерно полувековой или более опыт политического функционирования и рассматриваются на Западе в качестве наиболее перспективных, с точки зрения развития представительной демократии. Во всех четырех странах, помимо господствующих авторитарных институтов (соответственно, монархии и президентской власти и силовых структур), присутствуют политические институты, связанные с формами представительной демократии, – парламенты, политические партии, избирательная система и т.д. Разница заключается в функционировании парламентской и многопартийной систем. В Марокко и Иордании имеет место реальная многопартийность, конкурентная борьба партий на выборах и, соответственно, формирование парламентов и кабинетов министров на основе партий и коалиций, победивших на выборах, но с «благословения» монархов. Осуществляются принципы ограниченного политического плюрализма, политической конкуренции и ротации политических элит на основах механизмов, схожих с теми, которые имеют место в представительных демократиях развитых стран Запада.

Египетско-тунисская модель

В Египте и Тунисе ничего подобного не происходит. Партийные системы, формально являющиеся многопартийными, фактически были и остаются лишь антуражем, камуфлирующим реальное господство пропрезидентских партии, а межпартийная конкуренция на выборах носит формальный характер. В результате парламент характеризуется практически полным доминированием господствующей партии и превращается в предприятие по штамповке законов, обеспечивающих проведение курса президентской власти. Правительство формируется под прямым патронажем президента. Таким образом, разделение властей отсутствует, монополизация власти президентскими структурами является практически абсолютной. Учитывая то, что пребывание одного лица на посту президента не ограничено количеством сроков, а принцип конкурентности президентских выборов фактически отсутствует, и, следовательно, президентские выборы носили до самого последнего времени безальтернативный, плебисцитарный характер, президентство в таких условиях отличается от абсолютной монархии лишь отсутствием механизма престолонаследия (что, кстати, всегда создает проблемы преемственности). Стоит добавить, что формирование и ротация политической элиты происходят здесь в закрытом формате, схожим с номенклатурным принципом, который был характерен для СССР и других стран социалистической системы.

Существующие механизмы политического функционирования исключают возможность легального участия реальной оппозиции в поле политической конкуренции. Чтобы изменить положение, нужны политические реформы, направленные на существенное расширение поля политической конкуренции во всех звеньях политической системы. Что означает расширение поля политической конкуренции применительно к сегодняшнему Египту или Тунису? Оно означает вовлечение в легальную политическую жизнь главной альтернативной политической силы, каковой в этих (да и во многих других арабских и исламских) странах являются исламисты. Однако включение радикальных исламистов в легальную политическую жизнь схоже с попыткой включения в нее тоталитарной секты, слегка прикрытой оболочкой политической партии, в принципе отрицающей легитимность светского режима как такового и выдвигающей радикально-тоталитарный проект такой политической организации общества, по сравнению с которым и большевистский режим, и германский нацизм, и правление Саддама Хусейна в Ираке

могут показаться мягкими. Такие попытки, тем не менее, предпринимались и первым, и вторым президентами Египта, и первым президентом Туниса. Для Насера они закончились неудавшимся покушением, для Бургибы – государственным переворотом, осуществленным не в последнюю очередь с охранительной целью – дабы не дать прийти к власти радикальной исламистской оппозиции, а Садату стоили жизни,

В последнее время в Египте вновь предпринимаются попытки вовлечения части исламистов (прежде всего, умеренного крыла «братьев-мусульман») в легальную политическую жизнь путем отсечения от них крайних радикалов и побуждения менее радикальной части к политической эволюции в направлении системной, легальной партии клерикально-консервативного толка, которая будет готова действовать в рамках существующей политической системы и играть по ее правилам, откажется от действий, направленных на подрыв существующего строя и попыток изменить его насильственным путем. Хотя умеренная часть исламистов и проявляет некоторую тенденцию к эволюции в указанном направлении, пока преждевременно говорить о том, что эти усилия приведут к желаемому результату.

Таким образом, мы видим, что монархические режимы, типа марокканского или иорданского имеют сегодня определенное преимущество в плане развития представительной демократии по сравнению с республиканским, типа египетского или тунисского. Одним из ключевых факторов, позволивших достичь этого преимущества, является фактор сакральности власти. Сакральность является серьезным ограничителем для деятельности исламистов: и в Марокко, и в Иордании достаточно радикальных исламистов, в том числе действующих в рамках международной террористической сети, но их деятельность направлена в основном вне, а не внутрь соответствующих стран. Значит ли это, что для режимов типа иорданского или марокканского открыта дорога быстрой эволюции в сторону представительной демократии западного типа? Сомнительно, потому что тот же принцип сакральности является серьезным ограничителем развития демократических институтов, поскольку такое развитие неизбежно предусматривает превращение сакральности в элемент политической традиции, политической культуры (как это получилось в Англии, где монарх продолжает оставаться главой англиканской церкви). Но такому развитию как раз серьезно препятствует исламизм, являющийся сегодня наиболее динамичным фактором политического развития в исламском и арабском мире.

Поэтому авторитаризм с сакральностью как одним из его важнейших элементов останутся на обозримый период главным системообразующим фактором политических систем, подобных иорданской или марокканской; поскольку именно он «отвечает» за поддержание устойчивости всей системы.

Достаточно интересные элементы развития в сторону представительской демократии показывают в последнее время монархии Персидского залива (Кувейт, ОАЭ, Бахрейн, Катар), движущиеся в направлении постепенного законодательного ограничения авторитаризма, т.е. в направлении конституционных монархий. Пока эти процессы лишь в самом начале, и рано делать какое-то заключение об их устойчивости. Следует упомянуть о двух факторах, подвергающих сомнению устойчивость подобного развития. Первый – анклавность этих стран по отношению к господствующим вокруг авторитарным режимам (политическое развитие в Ираке в условиях американской оккупации пока не в счет). Второй – то, что их экономическое процветание и политическое существование зиждется на гастарбайтерстве, при котором иностранные рабочие, составляющие значительный сектор социума, а в ряде стран – его физическое большинство, исключены из политической жизни вообще. Действуя вкупе, эти два фактора делают политические системы анклавных эмиратов уязвимыми для разрушительных внешних воздействий.

Сирия и Йемен

Политические системы Сирии, Алжира, Йемена близки к египетско-тунисской модели и типологически могут быть отнесены к ней, так же как политическая система Саудовской Аравии типологически может быть описана в рамках иордано-марокканской модели. В то же время каждая из этих стран имеет свои особенности политического развития. Политический режим Сирии действительно вписывается в рамки египетско-тунисской модели с ее авторитарной президентской властью, опирающейся на силовые структуры. Вместе с тем, эта политическая система формировалась при серьезном воздействии на нее такого организационно-идеологического фактора, каковым является правящая партия аль-Баас. Она возникла не на основе военно-политической структуры руководимого национальным лидером фронта, как в Тунисе или Алжире, и не была создана властью из военно-политических структур победившего в результате революции режима,

как в Египте. Аль-Баас имела собственные исторические корни в ряде стран Арабского Машрика (Востока) и шла к власти через достаточно длительный период политической борьбы. В отличие от Египта и Туниса, где механизм единоличной власти президента реализуется через различные государственные структуры, одним из которых является правящая партия, в Сирии аль-Баас, пришедшая к власти через межпартийную конкуренцию, имеет большие основания считаться исторически состоявшимся и самодостаточным, а не искусственным партийным механизмом, и в этом смысле реально претендующим на модельную (эталонную) роль арабской политической партии. Наконец, третьим отличием является то, что в Сирии, начиная с раннего периода правления Хафеза Асада, отца нынешнего президента, была довольно последовательно реализована почти уникальная, причем не только для Ближнего Востока, позднемарксистская формула Национального фронта, в рамках которого осуществляется совместное участие во власти баасистов и коммунистов, а также более мелких группировок (что рассматривалось рядом советских идеологов как аналог формулы «Народного фронта» для «третьего мира» и один из путей перехода к «народной демократии», т.е. политической системе восточноевропейского типа).

Это не меняет отмеченных выше общих типологических черт, тем более, что правление Хафеза Асада, с его опорой на армию, завершившееся к тому же достаточно редкой для республиканских режимов успешной передачей власти от отца к сыну, дает основания рассматривать сирийский режим в качестве одного из крайних видов авторитаризма. В то же время наличие достаточно сильных, развитых и самостоятельных партийных структур может при определенных условиях стать предпосылкой перехода к представительной демократии, подобно тому, как это произошло ранее в Восточной Европе. Сирия в этом отношении представляет собой уникальную по арабским меркам модель системы, содержащей подобные институциональные формы. При этом стоит обратить внимание на то, что влияние исламистов хотя и присутствует в Сирии, но оно там значительно меньше, чем в большинстве стран региона, и уж, во всяком случае, определенно меньше, чем в других арабских странах с республиканскими режимами.

Йемен рассматривается многими специалистами как одно из наиболее отсталых арабских обществ, где роль традиционных институтов сохраняет значительное, если не доминирующее место в социально-политической структуре. Действительно, племенные структуры остаются

одним из важнейших факторов политической системы, оказывая воздействие и на характер политической элиты, и на структуру и характер власти в стране.

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что в Йемене существуют относительно устойчивая избирательная система и тенденция формирования законодательной власти (парламента) на многопартийной основе, по результатам выборов. Хотя исполнительная власть (правительство) по-прежнему строится по авторитарной модели, результаты выборов так или иначе учитываются президентской властью при формировании правительства. Это позволяет рассматривать йеменскую модель как промежуточную между египетско-туниской и иордано-марокканской. Примечательно, что исламисты в Йемене участвуют в избирательном процессе в качестве легальной политической силы, а, стало быть, не рассматриваются президентской властью в качестве серьезной угрозы режиму и политической системе в целом. Причины этого, на наш взгляд, связаны с особенностями структуры йеменской политической элиты. Будучи отражением социальной структуры общества, сохраняющей сильные элементы племенного устройства, йеменская власть опирается не только на армию, но и на племенные союзы хашид и бакиль, господствующие на севере страны. Эти зейдитские (т.е. шиитские) племена являются существенным барьером, ограничивающим распространение как старого (братьев-мусульман), так и нового (неоваххабитского) исламизма, поскольку и тот, и другой представляют собой течения суннитского толка. Имея сильную опору в лице этих племен, власть достаточно успешно балансирует между двумя полюсами, которые рассматривает как политические крайности, – «марксистами», сохраняющими, несмотря на разгром, значительное присутствие в Йемене, особенно на юге, и исламистами, имеющими значительное влияние в ряде суннитских районов. Власть умело использует политическую конкуренцию между ними для поддержания более или менее устойчивого политического баланса.

Саудовская Аравия, по крайней мере в последние годы, может рассматриваться как своего рода «слабое звено» среди арабских политических систем в отношении воздействия исламистских сил. Во всяком случае, так ее, очевидно, рассматривают активисты «Аль-Каиды» и связанных с ней группировок, превратившие ее, наряду с Ираком, в одну из основных мишеней своей террористической деятельности на Ближнем Востоке. Причем из более чем 20 крупных террористических актов, совершенных в этой стране в последние два года, значительное их

число было направлено не столько против американцев или других иностранцев из стран Запада, сколько против политических и силовых структур самого саудовского режима. Причины этого, по нашему мнению, кроются не только в противоречии между быстро идущей экономической модернизацией (оказывающей непосредственное воздействие на сферы образования, культуры и другие аспекты социальной жизни) и сохраняющимися архаичными политическими институтами. Важным фактором предстает и слабая сакральность политической власти правящей династии перед лицом конкуренции со стороны исламистов. Сакральность дома Саудидов связывается с ролью его представителей в качестве «хранителей двух святынь» (Мекки и Медины). Это сильный аргумент для представителей «исламской уммы», особенно для неарабской ее части, но не для аравийского и непосредственно примыкающего к нему ареала. Политическая легитимность саудовских правителей в качестве «хранителей двух святынь» в значительной степени дополнялась их опорой на идеи Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба как на своего рода «очистительное» течение в исламе, возвращающее его к истинной сущности – единобожию. Но именно эта позиция, некогда бывшая сильной стороной саудовского режима, сегодня размывается перед лицом конкуренции с «неоваххабитами», апеллирующими к тому же идейному источнику, но с гораздо более воинствующих, антизападных и «пуританских» позиций, чем официальный Эр-Рияд. Усама бен Ладен и его соратники в этом отношении действительно выглядят «большими ваххабитами, чем сам король», что в какой-то мере наносит ущерб сакральности саудовского режима. Вместе с тем, удары по силовым структурам (особенно по системе безопасности королевства) имеют совершенно определенный смысл: при ослаблении идеологической опоры легитимности режима обнажаются слабые места политической системы как таковой. Сказанное вовсе не означает, что у саудовского режима не осталось ресурсов для отпора терроризму и сохранения системы, однако эти ресурсы лежат скорее в политической мобилизации на традиционной базе, чем в ускоренной политической модернизации, которая в условиях нынешнего противостояния способна лишь еще более разбалансировать систему. Свидетельство тому – победа саудовских исламистов на недавних, первых в истории, частичных муниципальных выборах.

Алжирский урок

Живым уроком неудачной «демократизации» арабских режимов служит алжирский опыт начала 90-х годов прошлого века. Первые в истории демократические выборы в парламент в 1991 г., проходившие на основе реальной межпартийной конкуренции, привели к тому, что на них победил Исламский фронт спасения. Эта исламистская организация, созданная всего за два года до упомянутых парламентских выборов и включившая в себя значительное количество моджахедов, возвратившихся с афганской войны, сумела уже до этого одержать победу на муниципальных выборах. Начиная с 1990 и вплоть до 1996 г. исламисты держали под своим контролем не только значительное количество мечетей и часть студенческого движения, но и деятельность органов власти в двух третях вилайетов страны. Только военный переворот в январе 1992 г. предотвратил приход исламистов к общенациональной власти. Но и после этого страна находилась в течение десятилетия фактически в состоянии гражданской войны, унесшей десятки тысяч жизней. Лишь состоявшиеся в 2004 г президентские выборы, кажется, положили конец долгому периоду политической нестабильности, поставившему существовавшую там политическую систему на грань развала. Политическая система Алжира, казавшаяся в середине 1980-х годов одной из самых стабильных в арабском мире, подверглась серьезнейшему испытанию не только в результате активности местных террористических сил и поддерживавших их внешнеполитических факторов – от «Аль-Каиды» до ЦРУ США (в то время делавшего ставку на исламистские силы), но и в результате нерасчетливой политики ускоренной политической модернизации (демократизации), осуществлявшейся самой президентской властью. Все это происходило на фоне серьезнейшего экономического кризиса.

Сегодня новые демократические эксперименты, проводимые в стране, включая первые альтернативные президентские выборы, опираются на более прочный социально-политический фундамент, чем десятилетие назад. Не исключено поэтому, что именно алжирский опыт перехода к представительной демократии может в дальнейшем стать в какой-то степени модельным для других арабских стран. В то же время представляется вовсе не случайным, что большинство алжирских граждан в ходе президентских выборов проголосовали именно за А.Бутефлику, а не за его соперника, предлагавшего более смелую и радикальную модель институциональных перемен: консерватизм

избирателей вполне объясним на фоне длительного политического шока, испытанного населением от результатов предыдущих попыток демократизации. Алжирский политический кризис обнажил слабости и болевые точки «египетско-тунисской» модели. Правда, тут, возможно, сыграли значительную роль и специфические особенности самого алжирского варианта этой модели. В отличие от Египта и Туниса, где политические институты и вся пирамида власти строились как проекция харизмы первого вождя-президента, и синтез политических и силовых структур происходил в этих условиях достаточно органично (архитектура созданных вождями-основателями политических зданий в целом сохранилась до сих пор при небольших, можно сказать, косметических переделках), в Алжире и строительный процесс, да и сами конструкции имели несколько иной характер.

Создававшиеся на базе Фронта национального освобождения властные структуры сохраняли сложившиеся в период освободительной борьбы отношения острой конкуренции между политическим и военным крылом ФНО, которые потом переросли в постоянное противоборство между партией и армией в борьбе за власть. В отличие от демократических моделей политических систем, где конкуренция политических институтов носит легальный характер и стимулирует постоянное обновление политической элиты, в авторитарных условиях подобная конкуренция может стать губительной для системы, особенно в переходные периоды. Именно такой кризис обозначился, когда алжирское руководство вознамерилось начать переход от однопартийности к политическому плюрализму. Вся политическая конструкция затрещала по швам, и ни правящая партия, ни армия не оказались в состоянии предотвратить ее крах политическими методами. Армия как наиболее сильный политический институт режима сыграла свою роль в последний момент, но устойчивость была сохранена ценой длительного кровопролитного противостояния.

И сегодня, когда обозначился переход к иной конструкции политической системы, вряд ли стоит упускать из виду, что, главным гарантом политического спокойствия и нормального хода политического процесса является не конституция или общественное мнение, а именно армия, поскольку опасность исламизма лишь отодвинута и ослаблена, но отнюдь не устранена. Отсюда и о тренде в сторону представительной демократии можно говорить пока лишь как о тенденции.

Есть две арабские страны, где исламизм не только стал одной из идеологических форм и составных частей политической жизни, но и был

так или иначе интегрирован в существующие политические системы; во всяком случае, можно говорить о серьезных попытках такой интеграции. Мы имеем в виду Судан и Ливию.

В Судане после совершенного происламистски настроенным генералом Омаром аль-Баширом переворота в 1989 г. последователи радикального ислама имели достаточно возможностей попытаться реализовать свои идеи в политической практике. Один из наиболее известных в арабском мире интеллектуалов-теоретиков исламизма Хасан ат-Тураби почти сразу после переворота оказался в числе тех, кто влиял на характер и структуру политической власти в стране, а с 1993 по 1999 г. был спикером парламента и по сути дела главной теневой фигурой в системе власти. Таким образом, впервые в арабской истории организация «братьев-мусульман», возглавляемая лидером с неординарными идейно-теоретическими и организационными способностями, помноженными на капиталы его близкого соратника Усамы бен Ладена (также находившегося в тот период в Судане), оказалась не в оппозиции, а в самом эпицентре власти.

Результаты суданского эксперимента с достаточным основанием можно оценить как провальные. Конечно, отстранение Хат-Тураби от власти и его «мягкое» репрессирование (домашний арест), равно как предшествовавшее этому изгнание из Судана У.бен Ладена, можно расценивать как результат давления США (которое, несомненно, имело место). Но факт остается фактом: имея не просто долю участия, а фактическую монополию на власть, исламисты оказались не в состоянии политически объединить суданское общество на основе выдвигаемых ими идейных принципов. Причем речь в данном случае не идет о консолидации всего многосоставного суданского общества, включая христианский и анимистский Юг. Но и претензия на консолидацию мусульманской части тоже потерпела крах: значительная часть суданских мусульман, общественно-политическая жизнь которых организована на принципах махдизма, отказалась воспринимать «ваххабитские» установки возглавляемых Хат-Тураби исламистов в качестве собственных.

Результатом стала острая конфронтация, принявшая не только политический, но и вооруженный характер между структурами, возглавляемыми, соответственно, Хат-Тураби и Садыком аль-Мах-ди. Несмотря на родственные связи обоих (Х.ат-Тураби является зятем Саль-Махди), которые, казалось бы, могли стимулировать интеграционные процессы, столкновения между боевиками подконтрольных им

вооруженных группировок продолжают и по сей день. Арбитром и здесь выступила армия. В итоге нынешний режим мало отличается от прежних режимов в Судане, опирающихся на преимущественно силовые структуры, но не имевших массовой социальной базы. Попытка найти такую базу в лице исламистов оказалась несостоятельной. Нынешняя игра на противоречиях между «ваххабитами» и махдистами также не обеспечивает политической устойчивости, а тем более не подходит в качестве основы для интеграции суданского общества в единую политическую систему. Угроза полного краха государственности и развала Судана как единой страны остается актуальной, а опыт исламистского правления лишь усилил эту угрозу.

Ливийская модель представляет собой, по контрасту с суданской, значительный интерес не только в силу своей уникальности, но и в силу особой устойчивости, а также наличия реальных интегративных свойств: во всяком случае, ливийскому режиму на сегодняшний день удалось добиться такой степени общественной консолидации, которая достижима далеко не для всех арабских обществ.

Если в Судане и отчасти в Алжире были предприняты попытки инкорпорировать исламистские течения в политическую систему, то в Ливии новая политическая элита, пришедшая к власти в 1969 г., пошла по иному пути.

В политическую систему были включены элементы самого ислама, разумеется, модернизированные и приспособленные к современным ливийским реалиям путем их довольно органичного синтеза с некоторыми современными идеологическими установками. Причем речь в данном случае идет не только об использовании исламской фразеологии, а о встраивании отдельных элементов первичного исламского общества в современную политическую систему. Под возвращением к истинному исламу и первичным формам организации исламского общества при Мухаммеде здесь понимаются идеи и методы «прямой демократии», которые, по мысли создателей Джамахирии и прежде всего самого М.Каддафи, совпадают в сути своего общественно-политического механизма с народными конгрессами (собраниями) как первичной формой политической организации в Джамахирии. То же касается и другого важнейшего элемента «прямой демократии» взаимоотношений между «вождем» и «народными массами» (джамахир), носящих ничем и никем не опосредованный характер и в этом смысле идентичных взаимоотношениям между Пророком и уммой в первом исламском государстве. И, наконец, третий элемент, создающий

аналогию между Джамахирией и уммой Мухаммеда – отсутствие формализации положения и функций «вождя» в политической системе, что дает ему большую свободу действий, чем в любой иной авторитарной республике, где положение и роль президента все же регулируются действующей конституцией.

Эти элементы политической системы Джамахирии если не сближают ее с некоторыми постулатами «ваххабизма», то, по крайней мере, не противоречат им. Если рассматривать учение Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба не только как одно из течений ислама, но и как попытку выдвижения определенного политического проекта (а именно в качестве политического проекта оно рассматривается современными течениями «ваххабизма» – от «Братьев-мусульман» до «Аль-Каиды»), то джамахирийский проект вполне адекватен смысловому значению «ваххабитского» обновления (ат-таджид), понимаемому как очищение первоначального ислама от последующих наслоений, в том числе политических (каковыми, по мысли «ваххабитов», как раз и являются структуры политической власти и типы государственного устройства современных мусульманских государств). Этим, а не только жесткой системой внутреннего контроля, на наш взгляд, объясняется отсутствие сколько-нибудь значимых исламистских течений в Ливии.

Народные конгрессы как ячейки представительной власти и выстраиваемая на их основе исполнительная власть в виде народных комитетов представляют собой органы «демократии прямого действия». Конструируемая на этой базе пирамида власти вплоть до Всеобщего (т.е. общеливийского) народного конгресса и высшей исполнительной власти основана на том же механизме прямого действия. «Зеленая книга», представляющая собой основной идеологический документ Джамахирии, является одновременно нормативным документом, заменяющим конституцию, поскольку в ней дается описание структур и механизмов ливийской прямой демократии, постулируются принципы общественно-политических отношений в рамках очерченной политической системы. Впрочем, обратной стороной свободы положения и действий вождя и его окружения от институтов джамахирийской власти является слабость этих институтов в политической системе. Несущей опорой власти «вождя» была и остается прежде всего армия, «кальма матер» для самого М.Каддафи и его соратников из числа ливийских «свободных, офицеров». В результате ливийский политический режим на своем структурном выходе мало чем отличается от египетско-туниской модели авторитарной президентской республики, с той лишь разницей,

что описанное выше джамахирийское наполнение придает этому режиму бóльшую устойчивость по сравнению с классическими формами модели, по крайней мере, пока власть и авторитет вождя остаются непререкаемыми.

Ливан – витрина демократии

Особое место в ряду арабских политических систем занимает Ливан, который до гражданской войны нередко называли «арабской Швейцарией». Эта аналогия не ограничивалась горным характером страны, ее туристической привлекательностью и статусом торгово-финансового центра арабского мира. Подобно Швейцарии в XIX и первой половине XX в., Ливан представлял собой оазис политического плюрализма в окружении монархий и авторитарных республиканских режимов. Эту аналогию в известной мере можно и углубить, если принять во внимание, что «кантональный принцип» государственного устройства, по крайней мере, косвенно существовал и в Ливане, но не на этнокультурной, а на конфессиональной основе. В свое время Ливан с его многопартийностью, конкурентными выборами, свободой печати и т.д. многим на Западе казался витриной демократии в регионе. Однако наиболее дотошные исследователи еще до начала гражданской войны указывали на крайнюю неустойчивость социально-политической ситуации и зыбкость конструкции власти в свете происходивших социально-демографических изменений, в результате которых мусульмане в целом в стране превратились в абсолютное, а шииты – в относительное большинство, в то же время последние были обделены адекватным представительством во властных структурах. На эту ситуацию наложились палестинское военно-политическое присутствие и вмешательство внешних сил: Израиля, Сирии, Ирана, Ирака, США, Франции и СССР. Все это вкупе сдетонировало, дав начало длительному гражданскому конфликту, внутренними причинами которого стала неустойчивость политической системы и ее неспособность разрешить социально-политический кризис невоенными методами. Гражданская война обнажила поверхностный характер демократического устройства в Ливане. Многопартийность, альтернативные выборы, свобода печати – все это было лишь фасадом, за которым скрывался жесткий авторитарно-клановый характер внутреннего устройства каждой из конфессиональных общин. Причем эта авторитарная тенденция лишь усилилась в ходе гражданской войны за счет увеличения значимости силового фактора, в

результате чего каждая из конфессий как бы ошестинилась, превратившись в военно-политическую структуру, что ограничило в них влияние горизонтальных связей, зато усилило отношения господства-подчинения военизированного типа. После окончания войны ситуация в Ливане внешне, казалось бы, вернулась к довоенному статус-кво. Однако, поскольку внутренние, глубинные причины конфликта не были устранены и никаких существенных структурно-политических реформ не произошло, вряд ли сегодняшнюю политическую систему Ливана можно признать устойчивой. Недавний теракт, уничтоживший бывшего премьер-министра страны, авторитетного лидера суннитской общины Рафика аль-Харири – наглядное тому подтверждение. Учитывая авторитарное устройство общин, вряд ли можно рассматривать Ливан и в качестве эталона представительной демократии в арабском мире.

Ирак до и после Хусейна

Последние факторы представляются особенно актуальными в свете четко обозначившейся «ливанизации» Ирака, происходящей после свержения там режима Саддама Хусейна и в условиях американской оккупации. Вообще Ирак XX в. – страна с самым богатым в арабском мире опытом экспериментирования с различными модификациями политических режимов. Был здесь и королевский режим с многопартийностью, выборами и сменой партийных правительств, подобный режиму времен короля Фарука в Египте, и «авангардный» военно-политический режим Касема, который, подобно португальскому режиму периода «революции гвоздик», опирался на сильную компартию, и баасистский переворот – I, названный местными левыми «фашистским», и баасистский переворот – II, примерно с теми же лицами во главе, но уже названный местными левыми «национально-демократическим», и длившаяся между ними примерно пятилетие центристская военно-политическая диктатура братьев Арефов, и режим Национального фронта (как аналога Народного фронта для «третьего мира») в варианте «баасисты-курды», и режим Национального фронта в варианте «баасисты-коммунисты», и, наконец, безальтернативное правление баасистов, вылившееся в продлившуюся более четверти века диктатуру Саддама Хусейна. На последнем периоде нельзя не остановиться особо, поскольку не только политический режим, но и вся политическая система Ирака приобрела в этот период в некотором смысле законченный вид, обретя черты, не только отличающие ее от

внешне схожих по тем или иным параметрам других арабских систем, но и несущие уникальность в более широком, универсальном контексте. Такую систему можно характеризовать как авторитарно-тоталитарную, используя термин, который иногда употребляется в политической науке для описания политической системы франкистской Испании и, в меньшей степени, салазаровской Португалии. В данном случае имеется в виду наличие как авторитарных черт (замкнутость системы на личности правящей персоны, ключевая роль последней в механизме управления политическими и общественными процессами, проекция личности лидера на политические институты и т.д.), так и тоталитарных (роль авангардной партии в однопартийной системе, тотальный контроль над личностью граждан, методы социально-политической инженерии, направленные на создание нового общества и выведение «новой породы» людей и т.п.). Но это – то, что касается типологических черт иракской системы. С точки зрения политического дизайна, это была особым образом выстроенная конструкция, в которой «вождь» и партия развивались синхронно, создавая по-своему гармоничное политическое пространство, в котором скрупулезно заимствовались все наиболее ценное для него из международного опыта – будь то политтехнологические принципы КПСС и Германской национал-социалистической рабочей партии и даже масонские принципы посвящения в организацию, благодаря творческому применению которых полное членство в партии баасистов достигалось при прохождении через семь последовательных ступеней, каждая из которых предполагала стаж от одного до двух лет. В результате внутри партии был построен мощнейший механизм внутренней защиты за счет переплетения структур и функций партии и органов государственной безопасности. Этот механизм, дополненный различными общественными организациями (профсоюзными, молодежными, женскими и т.д.), распространялся на все общество, включая и армию, которая была пронизана изнутри партийными организациями и структурами безопасности. Все, что нарушало эту гармонию, подлежало безжалостной чистке. Надо сказать, что такая система была достаточно эффективной во внутривнутриполитическом плане. Политическая система Ирака подверглась разрушению не в результате внутренних процессов, а вследствие иностранного вторжения и последующей оккупации. Оккупационные власти с самого начала сделали ставку на тотальный демонтаж всех конструкций и механизмов прежней политической системы. Чем закончится политический процесс в Ираке, пока сказать трудно.

Преждевременно делать прогнозы и относительно характера и структуры будущей политической системы страны.

Данная статья не претендует, естественно, на исчерпывающее описание политических систем арабских стран. За ее рамками остались такие страны, как Сомали, Мавритания, Оман, а также Палестинская национальная автономия, политическая система которой находится еще в процессе формирования. Тем не менее этот краткий обзор политических систем арабского мира дает некоторое представление об их эволюции в сторону представительных демократий, по крайней мере, в той форме, в какой такие демократии понимаются на Западе.

«Азия и Африка сегодня», М., 2005 г., № 7, с. 15–21.